

**Отражение традиционных культур и условий реальной жизни
в образе женщины-матери
(по материалам селькупского
фольклора)**

Тема женщины-матери не являясь первостепенной, тем не менее, часто всплывает в селькупском фольклоре. Недавно в своей статье об этических нормах традиционного селькупского общества О.А. Казакевич поставила вопрос о том, «какие связи считаются более важными для женщины (имеется в виду селькупская женщина - А.К.): супружеские или кровные», и пришла к выводу, что «вся совокупность рассмотренных фольклорных текстов не дает однозначного ответа» на поставленный вопрос [Казакевич 2000: 336]. Это вполне естественно по разным причинам, из которых я назову лишь две. С одной стороны, люди различаются по своему характеру: не только женщины-селькупки, но и женщины вообще делятся на два категории, говоря образно, на наседок (клушек) и кукушек (вольных птиц); или иначе – на женщин, предпочитающих мужьям детей и, наоборот, детям - мужей. С другой стороны, неоднороден фольклор, в нем много напластований от разных эпох, выделить которые - нелегкая задача. Именно такую задачу ставит перед собой автор данной работы, я пытаюсь установить, что в фольклоре является отголоском древних традиций, поверий, запретов, лишь частично сохранившихся в памяти народа, а что навеяно современной действительностью с ее суровыми условиями жизни на Крайнем Севере, которые диктуют свои правила поведения родителей по отношению к детям и детей к родителям.

При анализе произведений народного творчества необходимо учитывать историческую стратификацию селькупского (как, впрочем, и любого другого) фольклора. С позиции традиционных культур следует помнить: в сознании древних превалирует мысль, что все в жизни зависит от высшего божества и от его воли. У селькупов, как и у многих других (в том числе и уральских) народов [Лушникова 2001, 51-55], богиня-мать, богиня-прародительница Ильин-Кота ведала судьбой людей, отвечала за деторождение и смерть своих детей на земле и на небе, спасала, помогала, любила и сурово наказывала их. Покорность матери, готовый собственными руками пожертвовать своим ребенком во имя спасения рода, запечатлена в хорошо известной по всей Сибири сказке о Хозяйке

Огня, потребовавшей от неразумной матери себе ребенка, из сердца которого зажгла огонь в чумах всего стойбища.

Миф о старухе Восточного ветра, жене (по другой версии, матери) бога Нума, рассказывает, как она за непослушание заморозила сына, напустив на него холодный ветер (подобный сюжет известен также у кетов и ненцев), но сохранила жизнь невестке, послушавшейся ее, и внуку.

В третьей сказке рассказывается, как мать, не дождавшись, когда дети дадут ей напиться воды, о чем она просила, превратилась в кукушку и улетела прочь, бросив их на произвол судьбы и наказав их таким способом за непослушание, хотя дети просили ее простить их.

Хорошая мать соблюдает все обычаи своего народа, знает поверья, ~~обряды~~ (напр., нельзя втыкать нож или топор в землю, трогать железом огонь; свистеть и шуметь в чуме и когда едешь в лодке) и приучает детей следовать им, предупреждая об опасности, которая подстерегает непослушных. При воспитании детей взрослые пользуются столь многочисленными запретами и так часто, что дети привыкают подчиняться беспрекословно, хотя «почемучкам» родители объясняют, что именно грозит непослушным детям в случае неисполнения приказа матери: так, нельзя съесть оставшиеся на рожне крошки пицци («станешь сам как рожень худым»); нельзя шуметь вечером, перед сном (придет *лозы* и заберет детей к себе); нельзя вечером в окошко смотреть (явится покойник и унесет с собой); нельзя убивать бабочку (после смерти ребенок становится красивой бабочкой); если убить паука, - в жизни будет преследовать неудача (девочка будет терять иглы, наперсток, мальчик - стрелы, лук); нельзя играть с собственной тенью (*ilyl' tida* «отражение человека, его душа»), наступать на нее, в противном случае ребенок ночью не заснет, заболеет, а старый человек может даже умереть, когда на его тень наступят.

С раннего детства детям внушается, что они не должны есть мясо животных или птиц, которые являются тотемом отцовского рода. По материнскому роду соблюдаются правила почитания тотемного животного или птицы для незаконнорожденных детей. Кстати, у коми, удмуртов, марийцев до сих пор сохраняется обычай звать дочь по имени матери, если нет законного отца. Так, у коми-зырян Серафима Петровна на коми звучит как Анна Ш'има вместо ожидаемого Петья Шима, причем «настоящее» имя матери Ния (букв. ния 'лиственница'), сохраняется в тайне. В работе П.М. Сорокина «О материнстве как основе рода, о родовых знаках и знаках собственности у вотяков» [Сорокин 1999-2000: 201] приводятся примеры называния мужчин у удмуртов по воршудному имени матери, а не отца.

С имянаречением у селькупов, как и у всех уральцев, было связано много табу. Дети не должны звать по имени старших, а только называть имя родства (мать, отец, старшая сестра и т.д.) и имя своего товарища по

играм или одноклассника. Настоящее имя взрослого человека знать было не положено, так как по древним поверьям считалось, что злые духи, узнав подлинное имя человека, могут повредить ему. Отсюда обращение в семье родителей друг к другу звучит как 'отец (мать) моих детей, младшая сестра сына' и т.п. (ср.: та же ситуация у ненцев, что отмечено в книге [Ненянг 1996: 12-14]). Еще большие опасения вызывало произнесение имени умершего, вместо которого надо говорить 'умерший родственник матери такого-то'.

В суровых селькупских сказках не остается места и времени на описание нежностей, материнского горя и других эмоций. Радость от встречи с собственным ребенком, когда-то украденным у матери (в селькупской сказке вместо украденного ребенка матери был подложен щенок), обрисована в одной из сказок весьма скупо. Интересен сам прием опознавания по каким-то признакам собственного ребенка. Если у многих народов приметой служит, напр., родинка на теле когда-то пропавшего ребенка, то у селькупов, как и у кетов, таким приемом является струя молока из груди матери: струя должна попасть в рот стоящего в стороне ребенка как доказательство его родства с данной женщиной. Характерно, что радость описана только со стороны сына, а не матери ('Ребенок плача подбежал, свою мать обнял').

Во всех приведенных примерах речь шла о случаях передачи матерью своим детям сведений по традиционной культуре. С другой стороны, в описании жизни родителей с детьми немало примеров, явно навеянных событиями реальной жизни если не родителей, то дедов.

Так, нередко в сказках описывается ситуация голода, вынуждающего мать бросать детей (обратные примеры поисков матерью украденного ребенка единичны). Это не сказочный сюжет, а нередко случавшийся в голодные годы эпизод из реальной жизни. Достаточно вспомнить исследование Питирима Сорокина о влиянии войн, революций, эпидемий и голода (в труде П.А. Сорокина говорится даже о людоедстве на севере в голодные годы [Сорокин 1991: 50]) на сознание и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь, чтобы понять реальность происходящего в сказке, где родители заводят в лес и бросают там на произвол судьбы семерых детей, поскольку в голодный год отцу и матери оказывается трудно прокормить их. В селькупских сказках встречаются и эпизоды каннибализма. В фольклоре северных селькупов мать, отвечая за жизнь ребенка, тем не менее, стоит на позиции «бог дал - бог взял», нередко жертвуя ребенком и не проявляя никакой особой нежности к нему, но требуя от него всегда послушания.

Зато дети относятся к родителям как к существам, от которых все зависит в их жизни и с большим уважением и любовью, чем мать к ним. Они способны на зло ответить добром. Отведенные в лес дети, обманув черта, украли у него мешок с золотом и принесли своим родителям со словами: «Вы нас из дома выгнали, а мы вам мешок золота принесли».

Оставленный дома родителями мальчик говорит пришедшему к нему черту, спрашивающему, куда пошла мать и отец, что черту будет плохо, если за ними пойдет, чему черт верит и съедает Пучика-Чурика, отведшего таким образом беду от родителей. Дети с помощью волшебства или своими руками строят матери дом, добывают «стряпуху», т. е. жену, в то время как родители хотят их прогнать из дома, убить и съесть в голодный год, и т.д.

Образ положительной матери рисует слушателю женщину, формально выполняющую свои обязанности по отношению к ребенку: мать обеспечивает детей едой, одеждой, приучает выполнять девочек женскую работу и соблюдать заветы предков. Данный образ в селькупских сказках представлен лапидарно и особой симпатии вызвать не может. Но это ни в коем случае не означает, что в жизни селькупские матери бездушны к своим детям, хотя известная суровость в отношении к ним присутствует, что диктуется суровыми условиями самой жизни.

Сказочный образ матери отражает разные периоды развития селькупского этноса - от периода доклассового общества со всеми особенностями его мировосприятия до современной жизни, явные признаки которой присутствуют в текстах сказок. В образе женщины-матери видны представления селькупов об устройстве мира и об обязанностях женщины в нем.

Литература

- Казакевич О.А. Этические нормы традиционного селькупского общества сквозь призму фольклора // Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000: 332-340.
- Лунишкова А.В. Белый горностаи (Проблемы реконструкции древнеиранского календаря) // Исследования по иранской филологии. Вып. 3. М., 2001: 38-62.
- Неянг Л.П. Наши имена. Антропонимический очерк. СПб. 1996.
- Сорокин П.А. Человек и общество в бедствии (Влияние войн, революций, голода и эпидемий на сознание и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь) // Парма, №-3. Сыктывкар, 1991.
- Сорокин П.А. О материнстве как основе рода, о трудовых знаках собственности у вотяков // Néprajz és nyelvtudomány. Этнография и языкознание. XL. Zseged, 1999-2000.